

Включение фактических воспитателей в круг субъектов повышенной ответственности в ст. 150–151 УК РФ: социальная обусловленность и межотраслевой подход

Резюме. В свете усиления уголовно-правовой охраны прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовный закон в 2022 г. были внесены изменения, не коснувшиеся, однако, дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий по признакам субъекта. Между тем проблема представляется актуальной, поскольку закрепленный в ст. 150–151 УК РФ перечень лиц нуждается в расширении. Аргументация автора строится на оценке социальной обусловленности уголовного закона в данной части и исследованиях представителей семейно-правовой науки, обращающихся к понятию фактического воспитания. В рамках указанных исследований установлена содержательная аналогия отношений по фактическому воспитанию несовершеннолетних с участием других членов семьи различной степени родства или свойства и детско-родительских отношений с участием биологических или юридических родителей, в том числе в части воспитания. Что касается оценки рассматриваемых уголовно-правовых запретов с точки зрения социальной обусловленности как обязательного требования к уголовному закону, то автор использует теорию социальных статусов и ролей, позволяющую выявить вытекающие из статусов других членов семьи возможности ролевого поведения, включая криминогенные его варианты в виде оказания негативного воздействия на несовершеннолетнего в рамках фактического воспитания.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних; субъекты повышенной ответственности; фактические воспитатели; социальная обусловленность; социальные статусы и роли

Для цитирования: Караева Ю. С. Включение фактических воспитателей в круг субъектов повышенной ответственности в ст. 150–151 УК РФ: социальная обусловленность и межотраслевой подход. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 95–108. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.095-108

Inclusion of De Facto Guardians in the Category of Subjects with Enhanced Liability under Articles 150–151 of the Russian Criminal Code: Social Justification and Interdisciplinary Approach

Yulia S. Karavaeva

Perm Branch

National Research University

Higher School of Economics

Perm, Russian Federation

Abstract. While recent amendments to criminal legislation in 2022 have strengthened the protection of minors' rights and lawful interests, however, they have failed to address the differentiation of liability for involving minors in criminal or antisocial activities based on the characteristics of the perpetrator. Meanwhile, the issue remains relevant, as the current list of liable parties under Articles 150–151 of the Russian Criminal Code requires expansion. The author's argument is based on an assessment of the social justification of the criminal law in this part as well as research in family law concerning the concept of de facto upbringing. Studies in this field have established a substantive analogy between the relationships arising from de facto upbringing involving various family members of different degrees of kinship or affinity and parent-child relationships involving biological or adoptive parents, particularly in terms of upbringing. To evaluate the social justification of these criminal prohibitions as a mandatory requirement for criminal law, the author applies the theory of social statuses and roles, which helps identify the behavioral expectations associated with different family members' statuses, including criminogenic behaviors such as exerting negative influence on minors within de facto upbringing arrangements.

Keywords: involvement of minors; subjects of enhanced liability; de facto caregivers; social justification; social statuses and roles

Cite as: Karavaeva YuS. Inclusion of De Facto Guardians in the Category of Subjects with Enhanced Liability under Articles 150–151 of the Russian Criminal Code: Social Justification and Interdisciplinary Approach. *Lex russica*. 2025;78(7):095-108. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.095-108

Введение

Вопросы уголовно-правовой охраны прав и законных интересов несовершеннолетних остаются предметом живого обсуждения в науке и объектом внимания со стороны законодателя. Так, в марте 2022 г. Федеральный закон № 38-ФЗ¹ внес изменения в ряд норм уголовного закона в части усиления мер ответственности за преступления против несовершеннолетних. Однако эти изменения не коснулись гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» УК РФ, несмотря на известный науке круг вопросов, возникающих в связи с ее содержанием. Один из них — о субъектах повышенной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий, определенных в ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ.

Представляется, что его рассмотрение в контексте требования социальной обусловленности уголовного закона с привлечением воз-

можностей межотраслевого подхода, а также в свете обновленной в марте 2022 г. редакции УК РФ позволит сформулировать варианты решения.

1. Теория социальных статусов и ролей как инструмент оценки социальной обусловленности уголовного закона

Обращение к вопросу о социальной обусловленности уголовного права, активно предпринимаемое исследователями сегодня, на наш взгляд, вызвано обоснованными сомнениями в наличии действительной общественной потребности в расширении сферы уголовно наказуемого поведения, которое наблюдается в последние годы. Стремление выявить объективные закономерности, понуждающие законодателя к динамичной криминализации деяний, лежит в основе дискуссий о сущности как ключевых категорий уголовного права (например, преступления и об-

¹ Федеральный закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1395.

щественной опасности), так и отдельных вновь введенных в уголовный закон запретов.

Требование социальной обусловленности уголовного закона предполагает его соответствие «...объективным потребностям и тенденциям общественного развития»², что обосновывается природой права вообще и уголовного права в частности: «Формируясь на основе существующих фактических отношений, уголовный закон отражает различные социальные факторы в виде уголовно-правовых норм»³. Складываясь между отдельными индивидами, указанные фактические общественные отношения, по сути, представляют собой поведение данных лиц, в связи с чем авторы отмечают: «Причиной к созданию уголовно-правового положения выступает поведение людей, обладающее свойством общественной опасности и требующее уголовно-правового запрета»⁴. В любом социально значимом поведении индивида реализуется его статусно-ролевое положение с учетом присущего каждому члену общества «набора статусов»⁵. Отсюда исследование вопросов социальной обусловленности уголовного закона посредством использования понятий социального статуса и социальной роли, разработанных в социологической науке, выглядит вполне перспективным с точки зрения выявления взаимосвязи между фактическими общественными отношениями и реализуемым в их рамках статусно-ролевым положением индивидов — с одной стороны и содержанием уголовного закона, придающего правовое значение отдельным статусам и ролям в целях запрещения того или иного поведения, — с другой.

Как отмечает Л. И. Спиридонов, «правонарушение и его крайняя форма — преступление означают... не посягательство на абстрактную юридическую норму, а нарушение правоотношения, то есть официально признанного порядка общественно значимых связей между людьми как носителями социальных функций»⁶. Социальная функция предопределяется положением личности в системе обществен-

ных отношений, или, как принято указывать в социологической науке, социальным статусом.

Социальный статус — это характеристика участника определенного вида общественных отношений, из которой вытекает совокупность прав, обязанностей и ответственности, в теории именуемых социальной ролью. Анализ ролевого поведения позволяет определить статусную позицию индивида, равно как и обращение к занимаемому лицом социальному статусу лежит в основе предположения об общественных отношениях, в которых оно участвует, реализуя ролевое поведение.

По мысли Л. И. Спиридонова, «если право действительно имеет своим источником общественные отношения, то в нем в первую очередь фиксируется специфическое социальное состояние людей как участников общественной жизни...»⁷. Притом что не каждый социальный статус имеет правовое значение, большинство всё же включено в правовое поле. Необходимость придания конкретному социальному статусу нормативной определенности возникает в связи с задачей охраны общественных отношений, благ, ценностей, в которых лицо с учетом своего статусно-ролевого положения участвует или к которым имеет доступ в силу этого положения, и/или задачей урегулирования тех или иных форм ролевого поведения, для соответствующего социального статуса являющихся типичными и фактически реализуемыми.

Если говорить о придании тому или иному социальному статусу уголовно-правового значения, то потребность в этом вытекает из обусловленных им статусно-ролевых возможностей посягательства на охраняемые общественные отношения, блага и ценности. В частности, в рамках изучения специального субъекта преступления появляются основания для выделения двух видов специальных признаков: признаки, характеризующие статусно-ролевое положение субъекта, и признаки, характеризующие его правовое состояние⁸.

² Савенок А. Л. Социальная обусловленность уголовного закона // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 1 (21). С. 130–135.

³ Савенок А. Л. Указ. соч. С. 130–135.

⁴ Бодаевский В. П., Соловьёв Е. А. Социальная обусловленность уголовно-правового положения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 20–25.

⁵ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 539–540.

⁶ Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М. : Юридическая литература, 1986. С. 77.

⁷ Спиридонов Л. И. Указ. соч. С. 77.

⁸ Караваева Ю. С. Уголовно значимые правовые состояния как специальные признаки субъекта преступления // Российский юридический журнал. 2023. № 6. (153). С. 79–90.

С учетом указанного представляется, что социологическая теория статусов и ролей личности может быть использована в качестве методологической основы изучения преступного поведения лиц, статусно-ролевому положению которых законодатель придает уголовно-правовое значение. Гносеологические перспективы данной теории связаны, на наш взгляд, еще и с тем, что рассмотрение сквозь ее призму отдельных уголовно-правовых запретов, устанавливающих или дифференцирующих ответственность в связи со статусно-ролевым положением виновного, позволяет определить границы и содержание фактических общественных отношений, поставленных под охрану. В свою очередь, это делает возможным объяснение наличия соответствующего запрета в уголовном законе, а значит, позволяет оценить его с точки зрения требования социальной обусловленности.

С учетом изложенного полагаем, что статусно-ролевая теория способна не только раскрыть особенности фактических взаимодействий, опосредованных тем или иным статусом, в том числе в тех случаях, когда буква закона не отражает социальную реальность в ее подлинном виде, но и предложить социально обоснованные пути устранения пробела. По большому счету, в силу требования социальной обусловленности, обращенного к закону в принципе и к уголовному закону в частности, теория социальных статусов и ролей может рассматриваться в качестве методологической основы нормативной формализации соответствующих общественных отношений, предполагающей в том числе установление правового статуса субъектов и вытекающих из него прав, обязанностей и ответственности. При этом актуальность обращения к данной теории, этим не исчерпываясь, обусловлена ее способностью выявлять такие аспекты того или иного статуса, которые с трудом поддаются или не поддаются нормативной формализации в принципе, однако сопряжены с реализацией социальной роли и должны быть учтены с целью юридически значимой оценки поведения. Примером придания уголовно-правового значения подобного рода аспектам выступает пункт 4 постановления Пленума Вер-

ховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁹, в котором используются понятия авторитета и «иных возможностей занимаемой должности для оказания любого влияния на других должностных лиц».

В рамках данной работы мы предлагаем обратиться к проблеме субъектов повышенной ответственности вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий с целью ее рассмотрения посредством статусно-ролевой теории.

2. Субъекты повышенной ответственности в ч. 2 ст. 150 и ст. 151 УК РФ: оценка с точки зрения социальной обусловленности перечня

Устанавливая уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) и антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), законодатель с целью ее дифференциации выделяет круг специальных субъектов, к которым относит родителей, педагогических работников либо иных лиц, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Особое внимание в науке уделяется последней группе лиц, поскольку уголовный закон не уточняет ее содержание, а постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»¹⁰ к этому вопросу не обращается вообще. Используя термин «лица, заменяющие родителей», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»¹¹ относит к ним опекунов, усыновителей, попечителей, приемных родителей, патронатных воспитателей, то есть лиц, «...которые в силу закона явля-

⁹ Российская газета. № 154. 17.07.2013.

¹⁰ Российская газета. № 29. 11.02.2011.

¹¹ Постановление Пленума от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. № 262. 20.11.2017.

ются законными представителями ребенка, а не просто те лица, у которых ребенок находится на попечении в бытовом смысле». В отсутствие иных официальных уточнений к иным лицам в рамках рассматриваемых уголовно-правовых запретов авторы относят названных субъектов¹².

Не вызывает возражений тот факт, что преступные действия указанных лиц по вовлечению несовершеннолетнего оценены законодателем как представляющие повышенную общественную опасность, а потому заслуживающие более суровых мер ответственности. Как отмечает С. И. Осмоловская, «близкий для ребенка человек, будь то родитель либо иной родственник, воспитывающий несовершеннолетнего, несомненно, обладает неоспоримым авторитетом и способен с большей вероятностью вовлечь его в совершение противоправных действий, чем посторонний человек»¹³.

Иными словами, социальное значение ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ заключается в стремлении законодателя нормативно определить круг лиц в связи с вытекающими из их социального статуса фактическими возможностями оказать «результативное» криминогенное влияние на несовершеннолетних. Вместе с тем использованная законодателем формулировка выглядит крайне неудачной, поскольку связывает определение субъекта преступления не с фактическим воспитанием несовершеннолетнего, а с реализацией установленной законом процедуры по возложению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. При этом достаточно широкий круг лиц, которые могут фактически заниматься воспитанием несовершеннолетнего, а значит, и располагать возможностями криминогенного влияния, остается за пределами перечня субъектов данных преступлений. Речь идет о бабушках, дедушках, мачехах, отчимах, старших братьях и сестрах, сожителях и сожительницах родителя — и это только ближайший круг, хотя в некоторых случаях осуществлять фактическое воспитание могут и лица, не состоящие в кровном родстве или в отношениях свойства с несовершеннолетним. При условии длящегося совместного

проживания (что, на наш взгляд, предполагается в ситуациях фактического воспитания) обозначенные субъекты и несовершеннолетние являются участниками таких общественных отношений, которые в высокой степени сходны с детско-родительскими, имеющими уголовно-правовое значение в рассматриваемых нормах.

Следуя букве закона и тем самым игнорируя реальную возможность указанных лиц оказывать влияние на несовершеннолетнего в целях вовлечения его в совершение преступления или антиобщественных действий в условиях фактического воспитания и совместного проживания, суды квалифицируют их деяния без вменения квалифицирующего признака специального субъекта. Так, Б., являясь мачехой несовершеннолетнего П. С. и проживая совместно с ним, вовлекла его в занятие попрошайничеством, обучив методам выпрашивания денег у посторонних. Судом установлено, что Б. вместе с несовершеннолетним пасынком проходила по домам жителей села, где по ее указанию и в ее присутствии П. С., используя фразы, вызывающие жалость, выпрашивал продукты питания, денежные средства. После вовлечения в занятие попрошайничеством несовершеннолетний П. С. по устному указанию мачехи Б. неоднократно выпрашивал у жителей продукты питания, денежные средства. Указанные действия Б. квалифицированы судом по ч. 1 ст. 151 УК РФ как вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий лицом, достигшим 18-летнего возраста¹⁴.

В другом случае, привлекая к ответственности по ч. 1 ст. 150 УК РФ, суд отметил, что виновная воспитывает несовершеннолетнего внука Ш., имея нотариально заверенное согласие своей дочери М. на право проведения необходимых медицинских процедур и манипуляций в любых медицинских учреждениях и организациях, на участие в школьном образовательном процессе, дополнительном образовательном процессе, на заключение необходимых договоров в образовательных и медицинских учреждениях в отношении несовершеннолетнего Ш. Суд подчеркнул, что виновная «одна воспитыва-

¹² См., например: Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Дети — жертвы семейного насилия: ответственность за «родительские» преступления // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 47–51.

¹³ Осмоловская С. И. К вопросу о видах специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 3. С. 266–270.

¹⁴ Приговор Никифоровского районного суда Тамбовской области от 14.12.2021 по делу № 1-90/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

вает своего внука..., проживая вместе», вовлекла в совершение кражи, «используя сложившиеся доверительные отношения с внуком»¹⁵.

Как видим, устанавливая фактическое воспитание виновным несовершеннолетнего, а также совместное их проживание, суды тем не менее вынуждены вменять ст. 150–151 УК РФ без квалифицирующих признаков. Такая ситуация предопределяется категоричностью формализованного в кодексе условия о возложении законом на иное лицо обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в целях применения ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ. Представляется, что это условие само по себе должно вызывать вопросы о соответствии законодательного подхода, во исполнение которого действует правоприменитель, социальным реалиям, тем более что на необходимость учета и оценки фактических взаимоотношений в целях квалификации деяний, предусмотренных статьями 150–151 УК РФ, указывает Пленум Верховного Суда РФ. Так, согласно постановлению от 01.02.2011 № 1, при рассмотрении дел о преступлениях в отношении взрослых лиц, которые совершили преступление с участием несовершеннолетних, суду надлежит выяснять характер взаимоотношений между ними, поскольку эти сведения могут иметь существенное значение для установления роли взрослого лица в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступлений.

Складывается противоречивая ситуация: с одной стороны — необходимость оценки фактических взаимоотношений, сложившихся между виновным и несовершеннолетним, а с другой — однозначно определенное требование о соблюдении процедуры возложения обязанностей по воспитанию в целях применения ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ. Речь идет о том, что возникающие с участием обозначенных субъектов фактические отношения являются типичными, распространенными, однако законодатель не рассматривает их в качестве правоотношений, предлагая для перевода в данное качество реализацию процедуры возложения обязанностей по воспитанию.

Как справедливо отмечает Т. В. Краснова, «...воспитание не объясняет предназначение родителя и может в той же мере осуществляться лицами, заменяющими родителей»¹⁶. Обоснованным представляется утверждение Е. Г. Комиссаровой о том, что «...юриспруденция не может не учитывать того факта, что в современном мире межличностные связи ребенка и взрослого, выполняющего по отношению к нему родительские обязанности, могут быть не всегда зависимы от биологического или юридического родительства»¹⁷.

Очевидно, что социальная реальность поставляет богатый эмпирический материал, позволяющий сделать вывод о гораздо более широком круге лиц, фактически занимающихся воспитанием несовершеннолетнего, относительно тех субъектов воспитания, которые посредством установленных законом процедур указанные личные неимущественные отношения перевели в разряд юридически значимых. С одной стороны, такая ситуация представляется вполне естественной, поскольку право по определению не может уловить и придать нормативное значение всем взаимодействиям в семейно-воспитательной реальности. С другой стороны, думается, что наиболее многочисленные формы взаимодействий, приобретшие в силу своей повторяемости характер типичных, должны нормативное отражение получить. К ним, по нашему мнению, относятся взаимодействия по поводу воспитания, складывающиеся между несовершеннолетним и мачехой/отчимом, бабушкой/дедушкой, старшим братом/сестрой, сожителем/сожительницей родителя. Так, отмечая, что «отношения между пасынками (падчерицами) и отчимом (мачехой) встречаются значительно чаще, чем усыновление или отношения детей с так называемыми приемными родителями», Н. В. Копыткова указывает, что «именно на основе свойства в силу семейных отношений отчим и мачеха осуществляют воспитание и содержание несовершеннолетних пасынков и падчериц. Можно с уверенностью утверждать, что в таких случаях образуются связи, аналогичные отношениям

¹⁵ Приговор Мучкапского районного суда Тамбовской области от 30.05.2022 по делу № 1-30/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Краснова Т. В. Воспитание как уникальный юридический феномен и проблемы его современной легальной дефиниции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 102–106.

¹⁷ Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 208–238.

между родителями и детьми»¹⁸. М. С. Малькевич, дополняя круг данных субъектов сожителем (сожительницей) родителя несовершеннолетнего, указывает, что «...именно воспитание несовершеннолетнего является той обязанностью, которую выполняют все указанные лица. Однако для усыновителей, опекунов (попечителей) это правоотношения, а для отчима (мачехи) и сожителя (сожительницы) это фактическое отношение, не урегулированное нормами права»¹⁹.

Приведенная мысль означает, что отношения, складывающиеся между «периферийными членами семьи»²⁰ и несовершеннолетним, имеют содержание, аналогичное детско-родительским отношениям, прежде всего в части наличия воспитательного компонента, а значит, и возможности оказания криминогенного влияния с использованием межличностных взаимодействий. В частности, социальные статусы «отчим» и «мачеха» используются именно в отношении тех лиц, которые, заключив брак с родителем несовершеннолетнего, по сути, занимают место второго биологического или юридического родителя в детско-родительских отношениях. В связи с этим авторы подчеркивают, что «семейное право цивилизованного государства не может себе позволить простого молчания по поводу регулирования отношений с участием вторичных членов семьи, какими являются отчим, мачеха, пасынок, падчерица»²¹. Думается, что и уголовное право цивилизованного государства не может оставлять без должного внимания подобного рода отношения в контексте охраны интересов несовершеннолетних.

Таким образом, возникновение отношений по фактическому воспитанию несовершеннолетнего опосредовано приобретением социального статуса мачехи/отчима, сожителя/сожительницы родителя, а при условии объективной невозможности детско-родительских

отношений — наличием социального статуса бабушки/дедушки, старшего брата/сестры. Вытекающие из указанных социальных статусов ролевые требования (при установлении прочих условий) предполагают оказание воспитательного воздействия на несовершеннолетнего и совместное с ним проживание. Важно, что проблема нормативной неурегулированности данных отношений имеет межотраслевой характер и сохраняет актуальность, в частности, для современной семейно-правовой доктрины, хотя начало ее обсуждению было положено в работах советских авторов.

3. Доктрина семейного права о фактическом воспитании: межотраслевой подход к проблеме неурегулированности

В подтверждение тезиса о том, что «институт фактического воспитания известен российскому праву давно»²², З. И. Воронина обращается к дореволюционному законодательству в части регламентации правового положения «приймаков и приемышей», не предполагавшего усыновления (удочерения) несовершеннолетних. Формируя правовое пространство, легализующее новое общество и новое государство, советский законодатель приравнял правовой статус указанных лиц к усыновленным (удочеренным), не признав самостоятельность соответствующих отношений, и установил запрет на усыновление (удочерение) впредь. Автор обращает внимание, что подобного рода отношения по фактическому воспитанию в рамках рассматриваемого периода были довольно широко распространены, в том числе ввиду обострения проблемы беспризорности детей.

Другие исследователи отмечают, что непридание на законодательном уровне отношениям по фактическому воспитанию значения самостоятельного вида правоотношений объ-

¹⁸ Копыткова Н. В. Обязанности отчима и мачехи по воспитанию пасынков и падчериц // Эволюция государства и права: история и современность : сборник трудов конференции. Курск, 2017. Ч. 2. С. 63–65.

¹⁹ Малькевич М. С. Реализация родительских прав в случае проживания ребенка с отчимом (мачехой), сожителем (сожительницей) // Вестник СамГУ. 2014. № 5 (116). С. 240–244.

²⁰ Комиссарова Е. Г. Социальные родители и социальное воспитание ребенка в юридическом дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 542–559.

²¹ Комиссарова Е. Г., Идрышева С. К., Краснова Т. В. Личные неимущественные отношения отчима и пасынка: в поисках юридических сущностей // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2022. № 2 (69). С. 73–85.

²² Воронина З. И. Институт фактического воспитания в семейном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 5. С. 98–102.

ясняется социально-политическими и экономическими соображениями, актуальными как для данного исторического периода, так и для современного российского государства: «Ненормативные модели семьи, как и в советское время, для государства пребывают в числе бесперспективных с точки зрения демографического воспроизводства, социально-экономического развития населения и качества детского воспитания»²³. Действительно, как было отмечено выше, в Семейном кодексе РФ о фактическом воспитании, фактических воспитателях и воспитанниках говорится лишь в связи с имущественными отношениями по выплате алиментов. Некоторые иные имущественные аспекты правового положения отдельных субъектов, объединенных нами выше термином «фактические воспитатели», раскрываются также в гражданском и трудовом законодательстве. К слову, обращение к соответствующим нормам Гражданского и Трудового кодексов РФ позволяет авторам утверждать, в частности, об особом правовом статусе мачехи и отчима и о «...целесообразности его легального признания»²⁴.

Несмотря на отсутствие внимания к проблеме фактического воспитания на нормативном уровне, на уровне доктрины еще советские ученые ставили вопросы, ответы на которые позволяли раскрыть суть соответствующих общественных отношений. Например, анализируя «наиболее типичные» ситуации их возникновения, З. И. Воронина ставит вопрос о круге субъектов — фактических воспитателей, относя к ним следующих лиц: «1) родственники отца или матери ребенка (бабушки, дедушки, братья, сестры, дяди, тети и пр.); 2) отчим или мачеха; 3) лица, не являющиеся родственниками ребенка (детей), например, если дети по просьбе родителей временно находятся у чужих людей; 4) мужчина (женщина), с которым мать (отец) ребенка состоит в фактических брачных

отношениях; 5) супруг(а) родителя-воспитателя в детских домах семейного типа и в приемных семьях»²⁵.

В рамках современной семейно-правовой науки исследователи, по сути, предлагают аналогичный перечень лиц, которые могут быть отнесены к фактическим воспитателям: близкие и дальние родственники ребенка; лица, не связанные родством; лица, состоящие в браке с родителем ребенка, а также не состоящие в таковом²⁶. Помимо примерного перечня, не имеющего исчерпывающего характера, авторы ставят вопросы и о содержании личных неимущественных и имущественных прав фактических воспитателей. И если относительно последних законодательство содержит отдельные положения, то в части регламентации содержания неимущественных прав не говорит ничего. В науке тем не менее суть отношений по фактическому воспитанию определяется как «продолжение воспитания семейно-родительского, возникающее по воле родителей или (в ситуациях невозможности ее проявления) “по умолчанию” родителей»²⁷. Е. А. Татаринцева отмечает, что «фактические воспитатели осуществляют родительские права, перечень которых предусмотрен СК РФ»²⁸. Содержательная аналогичность родительских и «как бы родительских» отношений в интересующей нас части отмечается и иными исследователями²⁹.

Проблема усугубляется отсутствием легального определения термина «воспитание» как правомочия и обязанности, вытекающих из факта биологического или юридического родительства. Законодатель, достаточно часто используя данный термин в целях урегулирования и охраны соответствующих общественных отношений силами ряда отраслей российского права, включая уголовное, оставил без внимания его содержание. Например, в ст. 96–97 СК РФ, предлагая рассматривать термины

²³ Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства... С. 208–238.

²⁴ Кулакова А. А. Особенности правоотношений отчима (мачехи) и пасынка (падчерицы) // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4 (49). С. 107–110.

²⁵ Воронина З. И. Указ. соч. С. 98–102.

²⁶ Батурина Н. И., Медведев И. М. Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям по Семейному кодексу Российской Федерации // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 46–51.

²⁷ Комиссарова Е. Г. Отношения по фактическому воспитанию ребенка: проблемы семейно-правовой институционализации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 130–153.

²⁸ Татаринцева Е. А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве : монография. М. : Юстицинформ, 2018. С. 115.

²⁹ См., например: Копыткова Н. В. Указ. соч. С. 63–65.

«фактический воспитатель» и «лица, осуществлявшие фактическое воспитание» в качестве синонимов, законодатель установил пятилетний срок и надлежащий характер воспитания в качестве условий признания данного правового статуса лица в целях взыскания алиментов с совершеннолетних воспитанников. При этом не уточняется, что такое воспитание и какое воспитание является надлежащим.

Очевидно, что воспитание предполагает воздействие определенного рода с целью формирования личности несовершеннолетнего в соответствии с морально-нравственными, социально-культурными, нормативными стандартами, принятыми в обществе. Является ли обязательным условием для возникновения возможности оказывать такое воздействие факт биологического или юридического родства субъекта воспитания с воспитываемым? Нет, не является, что подтверждается социальными реалиями и признается законодателем в указанных выше положениях Семейного кодекса РФ. Является ли обязательным условием оказания такого воздействия соблюдение процедуры возложения обязанности по воспитанию? Тоже нет, что находит подтверждение и в исторических, и в современных социальных формах организации взаимоотношений «фактический воспитатель — несовершеннолетний», и в приведенной выше позиции законодателя.

Как отмечает Н. В. Копыткова, термин «воспитание» используется для передачи сущности родительских прав³⁰, однако думается, что он вполне применим и для обозначения взаимоотношений, аналогичных родительским, и, что важно в свете тематики данной работы, при непрохождении субъектами процедуры возложения обязанностей по воспитанию.

Критикуя очевидную негибкость законодателя в анализируемой части, Е. Г. Комиссарова отмечает, что «родительство всё чаще рассма-

тривается в отрыве от его биологической составляющей. Поводом для таких исследований стали актуальные изменения в брачно-семейной сфере, описываемые как второй демографический переход, сопровождаемый такими процессами, как снижение значимости официального брака, высокий уровень разводов и сожительства, приоритет партнерских отношений над детско-родительскими»³¹. По поводу преодоления обозначенного разрыва между социальной реальностью и реальностью, сконструированной нормами права, исследователи высказывают предложения в диапазоне от необходимости получения «правового обоснования»³² отношений по фактическому воспитанию и их «единообразного юридического закрепления в СК РФ»³³ до «сопряжения этого социального понятия (социального родительства.³⁴ — Ю. К.) с правом... однако это предполагает следование уже известной нормативной терминологии и может быть только точным»³⁵.

Как видим, представители семейного права единодушны в том, что необходимо легализовать отношения по фактическому воспитанию не только в части имущественных аспектов, но и неимущественных тоже, хотя относительно объема такой легализации мнения разнятся. Однако отметим, что в целях исследования субъектов повышенной ответственности вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий мы ограничились лишь обзором высказанных в рамках семейно-правовой науки позиций в части проблемы неурегулированности отношений по фактическому воспитанию. Кроме того, что это оставляет возможности для последующих более глубоких изысканий в заданном направлении. Полагаем, нам, таким образом, удалось в достаточной мере обозначить межотраслевой характер проблемы.

³⁰ Копыткова Н. В. Указ. соч. С. 63–65.

³¹ Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства... С. 208–238.

³² Воронина З. И. Указ. соч. С. 98–102.

³³ Кулакова Н. В. Указ. соч. С. 63–65.

³⁴ Термин «социальное родительство» используется отдельными авторами для обозначения отношений между фактическим воспитателем и несовершеннолетним. Так, Е. Г. Комиссарова указывает, что «в основе вычленения термина “социальное родительство” лежит не юридическое, а фактическое положение взрослого лица в его отношениях с ребенком. <...> Праву такие де-факто статусы или роли известны под именами отчима/мачехи (ст. 97 СК РФ) и фактического воспитателя (ст. 96 СК РФ)» (Комиссарова Е. Г. Родительство как семейно-правовое явление: теоретический взгляд на действующие нормативные истоки // Lex russica. 2022. Т. 75. № 6. С. 20–35).

³⁵ Комиссарова Е. Г. Родительство как семейно-правовое явление... С. 20–35.

4. О расширении круга субъектов повышенной ответственности в ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ в свете концепта фактического воспитания

Постановка вопроса о субъекте повышенной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий предполагает необходимость оценки фактических социальных отношений по воспитанию, оставленных за пределами правового регулирования и, следовательно, охраны. Постановка этого вопроса одновременно обращает внимание на изменения в современных подходах к оценке института родительства в социологической науке и семейно-правовой доктрине.

Обращение к уголовному закону в соответствующей части показывает, что, с одной стороны, законодатель включает в состав субъектов рассматриваемых преступлений, чьи деяния влекут повышенную ответственность, лиц, биологическими родителями не являющихся. С другой стороны, в целях вменения квалифицированного состава вовлечения (ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151 УК РФ) законодатель требует юридического подтверждения правомочности субъектов осуществлять воспитание несовершеннолетнего, что ограничивает их круг «юридическим родительством» согласно терминологии Е. Г. Комиссаровой. Однако лица, фактически осуществляющие воспитание несовершеннолетнего, в круг указанных субъектов не входят, что, по нашему мнению, не соответствует требованию социальной обусловленности уголовного закона, поскольку отражает социальную реальность в усеченном виде. Полагаем, что круг указанных лиц необходимо расширить за счет включения субъектов фактического воспитания в связи с возможностью оказания криминогенного воздействия на несовершеннолетнего в рамках воспитательной деятельности. Речь идет о лицах, состоящих в длящихся отношениях по воспитанию и проживающих совместно с несовершеннолетним, что вытекает из их статусно-ролевого положения: это отчим/мачеха, дедушка/бабушка, старшие братья/сестры, сожитель/сожительница родителя.

Отметим, что попытка охватить в том числе указанных лиц в целях уголовно-правовой оценки их поведения предпринята законодателем в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ, согласно которой

значение отягчающего наказание обстоятельства придано факту совершения преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) «лицом, проживающим совместно с несовершеннолетним (несовершеннолетней)». Указанная категория субъектов имеет характер самостоятельно выделенной наряду с иными участниками семейных и иных правоотношений — «родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетнего (несовершеннолетней)». В данном случае законодатель, во-первых, разграничивает возможные виды имущественных и неимущественных правоотношений, выделяя отношения по содержанию, воспитанию, обучению, защите в качестве самостоятельно учитываемых в целях применения нормы. Важно, что данные отношения могут возникнуть не только с участием членов семьи, но и в связи с осуществлением профессиональной деятельности, например предполагающей защиту прав и законных интересов несовершеннолетних.

Во-вторых, связывая возникновение любой из перечисленных обязанностей с соблюдением юридической процедуры ее возложения, законодатель, на наш взгляд, в очередной раз нивелирует возможность расширения круга субъектов за счет фактических воспитателей, поскольку де-юре семейное законодательство не предполагает автоматическое возложение данной обязанности в связи с фактическими отношениями свойства или родства (имеются в виду другие члены семьи). При этом, однако, в отличие от ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151, в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ законодатель не уточняет, что указанные обязанности должны быть возложены на виновного законом, что допускает применение данной нормы к лицам, осуществляющим хотя бы одну из обозначенных обязанностей, например, согласно условиям доверенности, договора или, как было указано выше, рода профессиональной деятельности (службы). В частности, в рассмотренном ранее приговоре³⁶ в отношении М. И. Ю. А., вовлекшей своего малолетнего внука Ш. в совершение кражи, обязанности по его обучению были возложены на виновную нотариально удостоверенным согласием матери малолетнего. Тем не менее анализируемое отягчающее наказание обстоятельство судом применено не было, что следует

³⁶ Приговор Мучкапского районного суда Тамбовской области от 30.05.2022 по делу № 1-30/2022.

признать ошибочным, тем более что виновная, проживая совместно с малолетним, подпадает и под соответствующий альтернативный признак, содержащийся в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Применительно к признаку совместного проживания с несовершеннолетним, подлежащему учету судом в целях определения меры ответственности, необходимо отметить следующее. Круг лиц, выделенный законодателем для дифференциации и индивидуализации ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий в ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151 и п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ соответственно, не совпадает: во втором случае признак совместного проживания с несовершеннолетним включает в себя и лиц, фактически занимающихся его воспитанием, и иных лиц. Другими словами, если фактический воспитатель является совместно с несовершеннолетним проживающим лицом, что презюмируется содержанием данных отношений, то не всякое совместно проживающее с несовершеннолетним лицо является его фактическим воспитателем.

Кроме того, оценивая приведенное в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ указание на совместное проживание с несовершеннолетним в свете расширения круга субъектов повышенной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151 УК РФ, отметим, что неясным остается вопрос о длительности такого проживания, тем более что высшая судебная инстанция на уровне разъяснений внимания ему не уделяет. Однако в теории уже высказывалась мысль о необходимости учета совместного проживания в целях отнесения отчима (мачехи) к субъектам повышенной ответственности по ч. 2 ст. 150 УК РФ, правда, наряду с фактом совместного ведения хозяйства: «Очевидно, что как при наличии зарегистрированного брака между родителем с отчимом или мачехой, так и при его отсутствии данные лица, проживая совместно с ребенком, в равнозначной степени способны оказать как положительное, так и отрицательное влияние при осуществлении воспитания, и имеют возможность вовлечь его в совершение преступления»³⁷.

В целом по поводу исследуемого вопроса в уголовно-правовой науке сформировались

две противоположные точки зрения: согласно одной, субъект повышенной ответственности должен осуществлять обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, которые на него возложены законом³⁸. Согласно другой — круг указанных субъектов не должен ограничиваться данными лицами и его следует расширить, причем либо путем использования приведенной выше формулировки п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ, либо посредством простого перечисления соответствующих лиц³⁹.

На наш взгляд, в целях достижения межотраслевого терминологического единообразия, а также с учетом социологических и семейно-правовых исследований отношений по фактическому воспитанию, выявивших их содержание и круг лиц, можно предложить следующий вариант формулировки ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ: «то же деяние, совершенное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, которое фактически исполняет обязанности по воспитанию несовершеннолетнего».

Выводы

Использование теории социальных статусов и ролей для оценки социальной обусловленности уголовного закона предполагает анализ ролевого поведения, вытекающего из занимаемого лицом статуса, в свете уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений, благ, ценностей, возможность посягательства на которые детерминирована статусно-ролевым положением лица. Однако использование этой теории не исключает обратной логики: выявление фактически осуществляемых лицом взаимодействий с иными субъектами в рамках ролевого поведения раскрывает те или иные стороны его социального статуса, в том числе значимые для нормативного регулирования и/или охраны. Например, статусы других членов семьи, характеризующие ту или иную степень родства или свойства, предполагают также и возможность осуществления фактического воспитания несовершеннолетнего в отсутствие детско-родительских отношений с биологическими или юридическими родителями (родителем). Установление подобного рода ролевого поведе-

³⁷ Осмоловская С. И. Указ. соч. С. 266–270.

³⁸ Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Указ. соч. С. 47–51.

³⁹ Мингалимова М. Ф., Багаутдинов Ш. Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 57–65.

ния этих лиц важно в свете уголовно-правовой охраны прав и законных интересов несовершеннолетнего, поскольку речь идет о фактическом воспитательном воздействии на него лицом, совместно с ним проживающим. Более того, учитывая содержательную аналогичность отношений по фактическому воспитанию детско-родительским отношениям, на что обращается

внимание в доктрине семейного права, есть все основания предполагать их повышенную криминогенность в свете ст. 150–151 УК РФ. В связи с указанным в перечень субъектов повышенной ответственности, обозначенный в ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ, предлагается включить также лиц, фактически исполняющих обязанности по воспитанию несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г.* Дети — жертвы семейного насилия: ответственность за «родительские» преступления // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 47–51.
- Батурина Н. И., Медведев И. М.* Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям по Семейному кодексу Российской Федерации // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 46–51.
- Бодаевский В. П., Соловьёв Е. А.* Социальная обусловленность уголовно-правового положения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 20–25.
- Воронина З. И.* Институт фактического воспитания в семейном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 5. С. 98–102.
- Караваева Ю. С.* Уголовно значимые правовые состояния как специальные признаки субъекта преступления // Российский юридический журнал. 2023. № 6. (153). С. 79–90.
- Комиссарова Е. Г.* Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 208–238.
- Комиссарова Е. Г.* Отношения по фактическому воспитанию ребенка: проблемы семейно-правовой институционализации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 130–153.
- Комиссарова Е. Г.* Родительство как семейно-правовое явление: теоретический взгляд на действующие нормативные истоки // Lex russica. 2022. Т. 75. № 6. С. 20–35.
- Комиссарова Е. Г.* Социальные родители и социальное воспитание ребенка в юридическом дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 542–559.
- Комиссарова Е. Г., Идрышева С. К., Краснова Т. В.* Личные неимущественные отношения отчима и пасынка: в поисках юридических сущностей // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2022. № 2 (69). С. 73–85.
- Копыткова Н. В.* Обязанности отчима и мачехи по воспитанию пасынков и падчериц // Эволюция государства и права: история и современность : сборник трудов конференции. Ч. 2. Курск, 2017. С. 63–65.
- Краснова Т. В.* Воспитание как уникальный юридический феномен и проблемы его современной легальной дефиниции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 102–106.
- Кулакова А. А.* Особенности правоотношений отчима (мачехи) и пасынка (падчерицы) // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4 (49). С. 107–110.
- Малькевич М. С.* Реализация родительских прав в случае проживания ребенка с отчимом (мачехой), сожителем (сожительницей) // Вестник СамГУ. 2014. № 5 (116). С. 240–244.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.
- Мингалимова М. Ф., Багаутдинов Ш. Ф.* Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 57–65.
- Осмоловская С. И.* К вопросу о видах специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 3. С. 266–270.
- Савенок А. Л.* Социальная обусловленность уголовного закона // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 1 (21). С. 130–135.
- Спиридонов Л. И.* Социология уголовного права. М. : Юридическая литература, 1986. 240 с.
- Татаринцева Е. А.* Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве : монография. М. : Юстицинформ, 2018. 134 с.

REFERENCES

- Artemenko NV, Shimbareva NG. Child victims of domestic violence: Responsibility for «parental» crimes. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2020;12:47-51. (In Russ.).
- Baturina NI, Medvedev IM. The grounds for the emergence of a relationship on the actual upbringing of a child and the circle of persons belonging to the actual caregivers according to the Family Code of the Russian Federation. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii [Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest]*. 2018;1(44):46-51. (In Russ.).
- Bodaevsky VP, Solovyov EA. Social justification of the criminal law situation. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia]*. 2020;1(76):20-25. (In Russ.).
- Karavaeva YuS. Criminally significant legal conditions as special features of the subject of the crime. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2023;6(153):79-90. (In Russ.).
- Komissarova EG, Idrysheva SK, Krasnova TV. Personal non-property relations of stepfather and stepson: In search of legal entities. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii RK*. 2022;2(69):73-85. (In Russ.).
- Komissarova EG. De facto parenting relationships: Problems of family and legal institutionalization. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2021;1:130-153. (In Russ.).
- Komissarova EG. Parenthood as a Family law phenomenon: A theoretical look at the current normative origins. *Lex russica*. 2022;75(6):20-35. (In Russ.).
- Komissarova EG. Social parents and social upbringing of a child in legal discourse. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law]*. 2023;14(2):542-559. (In Russ.).
- Komissarova EG. The doctrine of direct (actual) parenthood in Russian and foreign family law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2022;56:208-238. (In Russ.).
- Kopytkova NV. Stepfather and stepmother's responsibilities for raising stepsons and stepdaughters. The evolution of the state and law: History and modernity. Proceedings of the conference. Part 2. Kursk; 2017. Pp. 63–65. (In Russ.).
- Krasnova TV. Education as a unique legal phenomenon and the problems of its modern legal definition. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Russian Laws: Experience, Analysis, Practice]*. 2016;9:102-106. (In Russ.).
- Kulakova AA. Features of legal relations between stepfather (stepmother) and stepson (stepdaughter). *Vestnik Vladimirsikogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of Vladimir Law Institute]*. 2018;4(49):107-110. (In Russ.).
- Malkevich MS. The realization of parental rights in the case of a child living with a stepfather (stepmother), cohabitant (cohabitant). *Vestnik SamGU*. 2014;5(116):240-244. (In Russ.).
- Merton R. Social theory and social structure. Moscow; 2006. (In Russ.).
- Mingalimova MF, Bagautdinov ShF. Criminal liability for the involvement of minors in the commission of crimes. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2023;5:57-65. (In Russ.).
- Osmolovskaya SI. On the question of the types of a special subject involving a minor in the commission of a crime. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. 2022;18(3):266-270. (In Russ.).
- Savenok AL. Social justification of the criminal law. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus*. 2011;1(21):130-135. (In Russ.).
- Spiridonov LI. Sociology of criminal law. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1986. (In Russ.).
- Tatarintseva EA. Models of legal relations for the upbringing of a child in the family and the trends of their formation in national family law: A monograph. Moscow: Yustitsinform; 2018. (In Russ.).
- Voronina ZI. Institute of actual upbringing in Family Law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 1992;5:98-102. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Караваева Юлия Станиславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
д. 38, Студенческая ул., г. Пермь 614017, Российская Федерация
iuskaravaeva@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia S. Karavaeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil and Business Law, Perm Branch, National Research University Higher School of Economics, Perm, Russian Federation
iuskaravaeva@hse.ru

*Материал поступил в редакцию 23 октября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 31 октября 2024 г.
Принята к печати 15 июня 2025 г.*

*Received 23.10.2024.
Revised 31.10.2024.
Accepted 15.06.2025.*